

- ¹³ Булыка А.М. Лексічныя запазычанні у беларускай мове XIX–XVIII стст. Мінск, 1980, 71; Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графика-орфографическая система. Вильнюс, 1968, 17–18, 371, 396.
- ¹⁴ Быков В.Б. Русская фея. Смоленск, 1994, 19; Добродомов И.Г. Об одном алано-буртасском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993, 130–150.
- ¹⁵ Сокращенное написание языка *кбалк.* (*карачаево-балкарский*) в списке принятых сокращений языков и диалектов подменяется административным термином *кабардино-балкарский* с ошибочным добавлением *язык* (50), хотя такого языка не существует. Сокращение *комиП* раскрыто *коми-пермский язык* вместо правильного *коми-пермяцкий*.
- ¹⁶ Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 71, №7. СПб., 1902, 1–112. Ср. также: Караулов 1-й Н.А. Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 37, отд. 3. Тифлис, 1907, 107–113.
- ¹⁷ Добродомов И.Г. Слово “лошадь” в этимологическом аспекте // Русский язык в школе. 1994. № 1.
- ¹⁸ Словарь русского языка. Т. I. Вып. 2. Новое издание. Л., 1933, 339.
- ¹⁹ Добродомов И.Г. Абитуриент // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV. М., 1963, 20–23; Стехин Ю.Н. Правильно ли мы употребляем слово *абитуриент* // Русский язык в школе. 1963. № 3, 32–35.
- ²⁰ Бельчиков Ю.А. Слово *антидилювиальный* у Л.Н. Толстого // Вопросы культуры речи. Вып. II. М., 1959, 227–230 = Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык: стилистика, лексика, история. М., 2001, 197–199.
- ²¹ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). М., 1971, 31, 72, 102.
- ²² Горпинич В.О., Лобода В.В., Масенко Л.Т. Власні назви і відтопонімні утворення Інгуло-Бузького межиріччя. Київ, 1977, 155–156.
- ²³ Епишкин Н.И. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка”. Чита. 1999, 142, 144.
- ²⁴ Барбаро и Контарини о России. Л., 1972, 129, 154.
- ²⁵ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, 53–54, 389–390.

Vladimir Orel. Russian Etymological Dictionary. Book 1: A–Й; Book 2: K–O. Octavia & Co. Press, 2007. 816 p.

Число этимологических лексиконов русского языка увеличилось с изданием в Канаде первых двух (из задуманных четырех) томов словаря, предпринятого Владимиром Эммануиловичем Орлом. К сожалению, это была его последняя лексикографическая работа: вскоре после выхода в свет этих томов В.Э. Орел скончался.

По своему объему новый словарь невелик: изданная его часть более чем в полтора раза уступает объему аналогичной части словаря Фасмера. Однако его нельзя относить к словарям “кратким”, если эту характерис-

тику связывать с лексиконами, обычно однотомными, со сравнительно небольшими словниками, и рассчитанными на широкого потребителя-непрофессионала — школьника, журналиста и т.п., то есть любителя, не нуждающегося ни в своде соответствий в родственных языках, ни в глубоком обосновании излагаемой этимологии, ни в библиографии (хотя бы “основной”, наводящей на поиск), которому достаточно лишь этимона или указания на заимствованную природу слова. Справедливее была бы квалификация “лаконичный”. Об этом будет сказано несколько слов ниже.

Написанный по-английски, словарь В.Э. Орла адресован главным образом англоязычному читателю и, согласно рекомендательному тексту на обложках обоих томов, имеет дело с объяснением лексики современного литературного русского языка. Но границы предмета в аннотации очерчены с чрезвычайной приблизительностью: словник лексикона заметно выходит за рамки того, что в нашей лингвистической практике принято называть современным литературным языком, и включает не только кодифицированную лексику. Термин “literary language” здесь невольно получает трактовку, по которой к этой языковой подсистеме относится все, что может встретиться в современном русскоязычном печатном тексте, включая и хлесткие, выразительные диалектизмы, пришедшие нынешней эпохе по вкусу, и убогий жаргон, и крайние вульгаризмы. Проще, однако, сказать, что дефиниции границ своего объекта составитель словаря не придавал принципиального значения, и определение “литературный” в аннотации оказывается излишним, вводя в некоторое заблуждение читателя, склонного к терминологическому ригоризму.

В словнике этимологического лексикона В.Э. Орла, по сравнению с имеющимися словарями, заметное место отводится новой, преимущественно заимствованной лексике (*гамбургер, караоке, карате, маркетинг...*), старым и новым арготизмам (*амбал, аська ‘программа общения в интернете’, баксы, башли, бену, герла, динамистка, дух ‘душман’, жмурик, зексать...*). В согласии со стремлением отразить лексику литературы прошлого в словник включено множество явно устаревших слов (*ажитация, альмавива, аматёр, атанде, брульон, гвардионец, доблий, изограф, исполать, камо, колико...*). Значительно присутствие разговорно-сниженной и экспрессивной лексики.

Конечно же, в отборе лексики для этимологизации всегда присутствуют необъяснимые мотивы. Почему из нескольких сотен, если не более, слов с начальным *анти-*, возникших или заимствованных в два последние десятилетия, в подавляющей своей массе прозрачных и не содержащих никаких этимологических “подводных камней”, для помещения в словарь выбрано только словообразовательно ясное слово *антисемитизм*? На мой взгляд, *антибиотик, антипод, антифриз* и подобные, с плохой членимостью на русской почве или неочевидной мотивированностью, заслуживали преимущества. Мне показалось, что

некоторые слова попали в скромный по объему этимологический словарь вовсе не потому, что нуждаются в раскрытии недостаточно компетентному носителю языка их исторического формального устройства или же семантических изменений, затемняющих межсловные связи, а скорее по той причине, что под руками есть литература, их касающаяся (например, *безнаказанно* упоминается в историко-лексикологических – не этимологических! – разысканиях В.В. Виноградова, *безумие* и *безымянный* регистрируются в ЭССЯ, занятом, кроме этимологизирования, инвентаризацией праславянского лексического фонда, и проч.).

В словнике имеются и прямые излишества. “Междометие” *аксиос!* (“достоин!” — возглас при рукоположении священнослужителя) не стало принадлежностью русского словаря, сохраняясь только как момент ритуала, осуществляемого с использованием чужого языка. В этом отношении оно сильно отличается, например, от возгласов *аминь!* и *аллилуйя!*, ставших производящей базой для собственно русских слов *зааминить*, *аллилуйщина* и др.

Отдельные статьи в рецензируемом словаре строятся следующим образом. Заголовок снабжается ударением и сопровождается обязательной пометой о грамматической принадлежности слова (к сожалению, не все заголовочные написания соответствуют требованиям орфографических словарей: вместо *бусоль*, *буфф*, *гэг* ‘комический трюк’... – у Орла *бусоль*, *буф*, *гег*...). Значение слова дается неукоснительно. Многозначность толкуемого слова, как правило, не отражается, обычно упоминается лишь основное значение; если же такого “свертывания” семантики не избежать, значения подаются в единых марровских кавычках через запятую или точку с запятой (*лицо* – ‘face, person’, *лить* – ‘to pour; to cast’). Омонимы описываются разными статьями с римской нумерацией после заголовочной вокабулы. Для старых слов дается древнерусская форма; после праславянской реконструкции под астериском перечисляются континуанты праформы в отдельных славянских языках в порядке, принятом, например, в ЭССЯ (южнославянские – западнославянские – украинский и белорусский; отметим, что в других этимологических словарях русского языка восточнославянские соответствия, как правило, предшествуют остальным). Далее идет краткое этимологическое истолкование: индоевропейский корень (или, реже, соединение корня с выделяемым на индоевропейском уровне суффиксом), с одним-двумя продолжениями в неславянских языках – для слов со столь древней историей; указание на производность – для собственно русских слов более позднего образования; указание на источник – для заимствованного слова или кальки (где возможно – с обозначением хронологических рамок). Завершается статья приведением, после символа $\diamond$, основной литературы (под сокращениями), которая посвящена данному слову. Мнения, отличные от того, которое разделяет или выдвигает составитель словаря, реферируются кратчайшим упоминанием, буквально одним-двумя словами или просто записью праформы, в

скобках. Отсылки к другим статьям этого же словаря весьма немногочисленны.

Словарные статьи построены чрезвычайно компактно, их текстуальная плотность близка к предельной. Все этимологические формулировки сведены в жесткие неварьируемые типы: “Continues...”, “Der[ived] from...”, “Back-formation of...”, “Borrowed from...”, “Calque of...”, “Of imitative origin” и т. п.

Лаконизм словарной статьи, к которому сознательно стремился В.Э. Орел, способствует емкости текста и общей компактности словаря, но имеет и определенные отрицательные следствия. Семантическим отношениям внимание в статьях словаря уделяется минимальное, что, по моему мнению, не очень соответствует требованиям современной этимологической науки. Причины отвержения тех или иных этимологических трактовок, признанных автором неудовлетворительными, не обсуждаются. Возникает ощущение, что либо преимущества объяснения, выбранного из перечисленных в качестве основного, по мнению составителя очевидны (это не всегда так), либо выбор осуществляется составителем словаря по вкусовому принципу. Научному почерку В.Э. Орла свойствен налет некоторой догматичности. Аргументы в пользу этимологической версии в статьях приводятся не с регулярностью. Если в статье реферирована общепринятая или преобладающая точка зрения на происхождение слова, такой стиль может быть оправдан: этимология доказана в других работах, пристатейная библиографическая справка направит заинтересованного и трудолюбивого читателя к искомому. Но малоизвестная или тем более новая этимологическая трактовка без специальных доводов – будь то разъяснение нераспознанных другими исследователями условий для реализации данной фонетической закономерности, взвешивание вероятности предлагаемого морфемного членения или формальные и семантические параллели в том же или иных языках – не всегда достигает желанной убедительности.

Как бы то, однако, ни было, мы имеем дело с выбранным и последовательно реализуемым жанром. Отнесемся к этому как к данности.

Во многих словарных статьях отражены собственные этимологические находки В.Э. Орла. В качестве примера упомяну лишь одну, которая представляется мне заслуживающей большого интереса. Все прежние этимологии трудного слова *корабль* (праслав. *korabъjь) неудовлетворительны в том или ином отношении. Внимание автора нового объяснения привлекли названия ‘скелета, остова’ в западнославянских языках: чеш. *koráb*, словц. *koraba* ‘лошадиный остов’, в.-луж. *korjeblo* ‘куриное ребро’, н.-луж. *kórab* ‘е ‘скелет’. Праслав. *korabъ ~ *korabъje, выводимое на базе этих соответствий, стало названием крупного судна (р. 533¹), правда, более глубокого в хронологии структурного анализа это имя не получило. Этимология Орла имеет то преимущество, что в основе названия корабля видит убедительное противопоставление его как ребристого, шпангоутного устройства более примитивным легким

судам – долбленому челну и лодке-плетенке. Можно пойти дальше и, опираясь на лингвистические показания, попытаться представить генез корабля (в теперешнем уточнении понятия) из долбленной ладьи путем наращивания поперечного шпангоута на киль с последующей опалубкой: названия кия – необходимого элемента шпангоутной конструкции – в некоторых славянских диалектах перекликаются с наименованием челна-моноксила, который мог одновременно использоваться как сани-волокуша (нижегор. *льжа* ‘киль барки’ : польск. диал. *łyżwa* ‘плоскодонная лодка’, (санный) *полоз* : болг. диал. *плаз* ‘доска на дне лодки’²).

В любом этимологическом своде можно найти спорные моменты, неточности, ошибочные решения, неудачные параллели и досадные упущения. Не избежал этих погрешностей и словарь В.Э. Орла. Мне не хотелось бы превращать эти заметки в демонстрацию недостатков нового предприятия: рецензируемый словарь в целом добротен и достаточно надежен. Однако я позволю себе привести некоторые – очень немногие из возможных – замечания критического свойства, чтобы было ясно, каков преимущественный характер оплошностей, встречающихся в отдельных статьях этого лексикона.

Автору не всегда достает внимания к точности излагаемых фактов, служащих основой для этимологии, и обстоятельным мелочам, могущим ее сокрушить. В.Э. Орел (р. 53) отклоняет все предыдущие этимологии слова *алатырь* в составе сочетания *алатырь-камень* (их обзор неполон, не упомянуто, например, толкование В.В. Мартынова, связавшего его с иран. *al-ātar ‘“бел-горюч”’³; не учтена возможность сопоставления с фонетически и семантически близким осет. (дигорск.) *æ(r)tdor* ‘кремень’, ‘огниво’, которое представляет собою аппозитивное сложение с буквальным значением ‘огонь-камень’ и по структуре точно совпадает с нем. *Feuer-stein* ‘кремень’, морд. *tol-kev* ‘огонь-камень’ – см.: Абаев I, 191–192, где, впрочем, напрямую сравнения русского и осетинского слов не проводится). Не стоило приводить “вариантную” форму *алабырь*: этот “гапак”, как показано⁴, является результатом неверного чтения. Сам Орел, приняв во внимание адъективную функцию слова *алатырь* и большое внешнее подобие укр. диал. *латир* ‘янтарь’ и *латир* ‘рядом, около’, предположил, что выражение *алатырь-камень* отражает ту же оригинальную конструкцию, что и переводной библеизм *краеугольный камень*. Непосредственным источником узкоограниченного укр. *латир* ‘рядом’ является рум. (молд.) *alături* ‘рядом, вблизи, около’ (происходящее, чего В.Э. Орел не оговорил, от лат. *a latere* ‘сбоку’, см. ЕСУМ 3, 201, с литературой). Соображение выглядит остроумным, но убеждающих доказательств в его пользу автор не дал не только здесь, но и в несколько более подробном “эскизе”, опубликованном раньше⁵. Приведенные им украинские слова со значениями ‘янтарь’ и ‘около’ различаются местом ударения, что в контексте предложенного сближения требует особого разбора, которым автор пренебрег (более того, он представил упомянутое украинское диалектное название янтара в

перевранной акцентовке); маловероятным является для предполагаемого “библейзма” (*алатырь(-камень)*), чаще всего отмечаемого в севернорусских былинах, молдаво-украинское посредство. Пересказанная этимологическая догадка Орла очевидно несостоятельна.

Выражение *вась-вась* ‘по-свойски, фамильярно’ (также в субстантивированном употреблении: *полный вась-вась* и под.) объяснено редупликацией усеченной основы личного имени *Василий (Вас-я)* (р. 175). Это так, но достаточно ли такое истолкование? Мне известна предложная конструкция (*быть*) *на вась-вась*, которую я, к сожалению, не могу подтвердить контекстами (в Национальном корпусе русского языка их не нашлось, доступные мне словари конструкции с предлогом не дают⁶). Конструкция с предлогом *на* (ср. *быть на ты*) толкает к мысли, что *вась-вась* могло быть ориентировано на сочетание имени и отчества *Василий Васильевич, Василь Василич*, — не конкретного, конечно, человека, а языковой его модели.

Не может не вызвать удивления суждение о недавнем усвоении слова *гривна* ‘денежная единица Украины’ из укр. *гривня* (р. 282). Слово *гривна* со значением ‘весовая и денежная единица’, по письменным источникам известное с конца XI в. (*гривьна*), никогда не исчезало из русского языка (литература XIX – первой половины XX в. переполнена примерами употребления *гривна* в значении ‘гривенник, 1/10 рубля’, в диалектах регистрируются значения, соотносимые с меньшими достоинствами монет). Однако если говорить специально о самостоятельной украинской денежной единице, то вряд ли оправдана хронологическая характеристика “recently”, подразумевающая период последнего десятилетия с небольшим (нынешняя гривна введена в сентябре 1996 г., а сама купюра заготовлена несколькими годами раньше). Ненадежная, подверженная стремительной инфляции *гривна*, равная двум карбованцам, была валютой независимой Украины 1917–1920 гг.; разумеется, ее название было употребительно и в русском языке (о чем можно было знать хотя бы по тексту “Белой гвардии” Булгакова). Современная *гривня* делится на *копійки*, и, исходя из логики В.Э. Орла, употребление живущими в этой стране русскими слова *копейка* применительно к украинскому денежному знаку также нужно считать адаптацией украинского слова. Вряд ли, однако, кто-либо отважится утверждать подобные вещи серьезно.

Словарным экспликациям В.Э. Орла не всегда достает пунктуальности в формулировании словообразовательных зависимостей. Так, глагол *жидиться* он выводит из прилагательного *жадный*, испытавшего влияние со стороны слова *жид* (р. 375). Существенно аккуратнее было бы сказать, что мы имеем дело с производством *жидиться* ← *жид*, а значение ‘жадина’ пейоративный этноним приобрел по созвучию с корнем *жад-*.

Описание и трактовка экспрессивной лексики – лабильной, подверженной сильным девиациям, с трудом сводимой в закономерности – обычно связаны с необходимостью распутать клубок сложных фонети-

ческих и семантических отношений между словами, близость которых ощутима, но не поддается однозначным формулам и четким демаркациям. Представление (р. 386) прилагательного *задрипанный* (в основном ‘обтрепанный’ и ‘испачканный’) как заимствования из украинского (*задріпати(ся)*, диал. *задріпати*) рисует картину в сильно упрощенном виде. Даже если оставить без внимания значительное фонетическое разнообразие в кругу ближайших фонетико-семантических сходств: *-дран-* / *-дряп-* / *-дрып-* / *-дрип-* / *-дрён-* / *-дрюп-* (умноженное варьированием губного по глухости-звонкости) (примеры с широкой географией, помимо прочего с префиксом *за-*, см. в диалектных словарях), – трудно отказать этим образованиям в собственном, незаемном характере. Мыслью об украинском влиянии В.Э. Орел вооружился, вероятно, потому, что не обнаружил русских примеров в статье *dripati ЭССЯ (5, 115), равно как в статье [*дріпни*] ЕСУМ (2, 128). Между тем это основание не слишком весомо: лакуны в отражении диалектной лексики – явление общеизвестное. Но как раз в данном случае недостатка в материале нет. Возможно, в Канаде, где создавался рецензируемый этимологический труд, труднодоступны некоторые выпуски сводного словаря русских говоров и Архангельский словарь; южнорус. *задрип-* (СРНГ 10, 67–68) и арх. *дріпаной* ‘никуда не годный’ (АОС 12, 258) заставляют идею украинского донорства оценить как опрометчивую.

Темное, по Фасмеру, слово *кара́мора* ‘длинноногий комар, *Tipula taxita*’ В.Э. Орел предположительно толкует как результат гаплогогического упрощения двукорневого сложения *komaro-mora (р. 461). Эту догадку автор мог подкрепить выражением *комарина(я) смерть* ‘насекомое, похожее на большого комара’ (СРНГ 14, 226; в словаре – только “влад.”, реально же оно распространено гораздо шире), но упустил эту возможность. Его соображение, однако, не вызывает сочувствия: фонетические и акцентные трансформации в таком случае предстают чересчур сложными, а кроме того существует целая группа ритмически подобных слов, в организации которых несомненно присутствуют идеофонические моменты и в сопоставлении с которыми, кажется, и следует искать расшифровку устройства слова *кара́мора* (с графическим вариантом *кара́мара*): *ки́ймора*, *ши́шймора* (*шу́шймора*), в несколько ином отношении амч. *ко́ра́кора* ‘хохлатый морской нырок небольшого размера’ (Даль² II, 168; это последнее А.Е. Аникин пытается крайне неконкретно, без каких-либо языковых иллюстраций, объяснить “чукотско-камчатским происхождением”⁷); слова *та́рабора*, *ша́рабора* в СРНГ еще только ждут опубликования (словарные сведения о них предупреждаются Инверсионным индексом⁸). Кроме внимания к ритмической формуле слова, роль в нахождении правильного решения может сыграть методика параллельных смыслов. Возникает соблазн увидеть сходство в строении, с одной стороны, *кара́мора* и, с другой, существительного *ба́рабара* в составе нелокализованного фразеологизма *нести ба́рабару* ‘говорить чепуху, вздор, бестолочь’ (Даль² I, 47). Дело в том, что вариант

кара́мара кроме энтомологической семантики свидетельствуется также в значениях южн. ‘нечто бессмысленное и непонятное; тарабарщина’ (влад., ряз. *карамару занес* ‘начал говорить вздор, бестолковщину’), “о непонятном языке, особенно цыганском” (СРНГ 13, 73). При таких ярких обстоятельствах мотивация ‘комариная смерть’, усмотренная Орлом, отпадает сама собою.

Пробелы в знании русской фразеологии и паремиологии иной раз приводят В.Э. Орла к очень неловким этимологизациям. Словечко *карап*, извлеченное из поговорки *Тяп да ляп, да вышел карап*, он объясняет (р. 462) этимологической идентичностью укр. диал. *kárap* ‘low quality, mediocre’ (ЕСУМ 2, 386: “‘хуже поросья...; нікчемне (поросья); недоброякісний, дефектний, кепський...’; – неясне”), которое в свою очередь находит заимствованием из татар. *karap* ‘accordingly, correspondingly’. Ни акцентные расхождения между русским и украинским словами, ни семантическая трансформация ‘соответственно’ → ‘низкого качества’, допустимая лишь в текущей р е ч и, но не на уровне з ы к а, ни сужение сферы применения квалифицирующего слова почему-то до ‘поросенка’ растолкования не получили и не толкнули автора этимологии заглянуть хотя бы в далевский словарь: *Будто тяпъ да ляпъ, вотъ-те и корабль*. Лексикографическая нужда в опознаваемости слова заставила Даля (и, например, М.И. Михельсона в “опыте русской фразеологии” “Русская мысль и речь”) дать его в кодифицированном фонетическом облике, хотя в данном случае правильнее было бы точно отразить просторечную рифмовку: *ляп – карап* (ср. *рубль → рунь, рун*), как это сделано в СРНГ: *Тяп-ляп и вышел кораб* (14, 308).

В статье *ла́жа* ‘nonsense, misunderstanding’ (р. 594) В.Э. Орел справедливо оставляет без упоминания находимое в словарном описании современной арготической лексики⁹ сомнительное объяснение из диал. *ла́жий* ‘ловкий, изворотливый’ (по Далю, ‘ловкий, толковый, бойкий’ – к *лад*, что, видимо, правильно; В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина малозаметной перифразой сдвинули значение из зоны ‘бойкий’ ближе к зоне ‘хитрый’, откуда, слава богу, уже недалеко и до толкуемого ‘обман, выдумка’). Однако выведение жаргонного *ла́жа* из южнославянских языков (“Bulg dial. *лажа́* ‘lie’, SCr *лажа id.*, Slvn *лажа id.*.”; с ошибкой: вместо с.-хорв. *ла́жа* ‘лжец’ следовало дать *лажа́* ‘ложь, вранье’) не выглядит убедительным. Пути жаргонной лексики нередко трудноисповедимы, но еще труднее доказать осязаемый вклад словенского, сербского и юго-западных говоров болгарского языка в русский арготический фонд. Акцентные различия между рус. *ла́жа* и предполагаемыми южнославянскими его “оригиналами” слишком заметны, чтобы принять версию Орла (им, южнославянским примерам, соответствует рус. *лажа*). Скорее всего рус. *лажа*, действительно, принадлежит гнезду **lyg(ati)*, но здесь нужно констатировать не заимствование, а собственно русскую внутрипарадигматическую вокалическую замену ь → á, тождественную той, что наблюдается в парах **pyt(ica)* → (*куро*)*nám(ka)*, то есть по анало-

гии с удлинением исконного *o в случаях типа *gorëti → гарь, загар, огарок.

В статье *мимáнс* (р. 690) В.Э. Орел повторяет свою уже однажды опубликованную¹⁰ ошибку. Он высказал догадку, что это слово образовано в русском профессиональном (артистическом) арготизме от *мим* с помощью заимствованного “суффикса” *-анс* (< фр. *-ance*), ср. *романс*. На самом деле *миманс* – это аббревиатура из *мимический ансамбль*, о чем можно было справиться хотя бы в толковых и энциклопедических словарях. Даже если признать сегмент *-анс* суффиксом, среди образований (заимствований) с этим элементом в русском языке нет слов, обозначающих совокупность лиц (и вообще какую-либо совокупность, если не считать, с натяжкой, слово *конкорданс*).

Слово *мутотень* автор считает композитным объединением *мут* и *тень* (р. 721). Совершенно напрасно: это усилительная “экспрессивизация” (с помощью суффикса *-ень*) слова *мутота*¹¹, ср. пары *хренотень* ← *хренота* и послужившую ей конструктивным образцом вульг. *хуетень* ← *хуета*, далее диал. *брекотень* ← *брекота*, *воркотень* ← *воркота*, *лоскотень* ← *лоскот(ать)*, *мокротень* ← *мокрота*, *срамотень* ← *срамота* и т.д. Если в констатируемом у Орла композите можно увидеть некий семантический резонанс ‘мутный’ : ‘тень’, то в строении едва ли не сотни образований с суффиксным исходом *-отень*, которые регистрируются обратным индексом к СРНГ¹², нет даже и тени такой смысловой рифмовки.

Следует все же сказать, что неточности и оплошности, практически неизбежные в любом этимологическом своде, в словаре В.Э. Орла нужно “вылавливать”. Они подавляются вполне добросовестным и качественным реферированием, если автор солидарен с имеющимися этимологиями, и достаточно корректными формулировками и суждениями, если дело касается новых слов и новых этимологических интерпретаций. Степень доверия, которое вызывает словарь, в целом высока.

Полиграфическую сторону рецензируемого издания нельзя признать добротной. По всей видимости, автор не располагал достаточными средствами, и лексикон увидел свет в издательстве, не специализирующемся на публикации научной литературы (по справкам в интернете, Octavia & Co. Press практикует в основном рекламно-деловую продукцию – буклеты, программы, ресторанные меню и под.). Словарь издан в мягких обложках, листы не прошиты, а склеены, книги ломаются после недолгого пользования. Текст, набранный мелковатым кеглем, непропорционально узок по сравнению с размерами страницы, большую часть которой занимают широкие поля. В первом томе строка, которая должна заканчивать страницу 89, обнаруживается внизу страницы 91; аналогично последняя строчка страницы 90 перекочевала под номер страницы 70. Во втором томе удивляет последовательность страниц: 506–519–518–509–510...515–508–507–516–517–520.

Несмотря на отмеченные недостатки, словарь, написанный В.Э. Орлом, несомненно, должен войти в арсенал серьезных этимологических справочников по русскому языку. Однако из-за отдаленности и малотиражности издания он будет в России доступен, к сожалению, немногим.

Примечания

- ¹ В пристатейной библиографии скромно не приводится печатная работа, в которой эта идея обнаружена ранее: *Орёл В.* Этимологические эскизы // *Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот.* М., 2006, 269.
- ² Кроме известных работ О.Н. Трубачева на эту тему, см.: *Журавлёв А.Ф.* Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // *Очерки истории культуры славян.* М., 1996, 142–143.
- ³ *Мартынов В.В.* Балто-славянские языковые отношения и глоттогенез славян // *Балто-славянские исследования.* 1980. М., 1981, 25.
- ⁴ *Журавлёв А.Ф.* Лексикографические фантомы. 2. СРНГ, И – К // *Слово и культура. К 75-летию Никиты Ильича Толстого.* Т. I. М., 1998, 93–104.
- ⁵ *Орёл В.* Этимологические эскизы, 265.
- ⁶ Словарь *Мокиенко В.М.* и *Никитиной Т.Г.* (Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001, 89) дает ссылку на “Справочник по ГУЛагу” Жака Росси (М., 1991. 1, 48), но она дезинформативна: у Росси – конструкция без предлога.
- ⁷ *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. М.; Новосибирск, 2000, 302.
- ⁸ *Сороколетов Ф.П., Одеков Р.В.* Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров. СПб., 2000, 92.
- ⁹ *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Указ. соч., 307.
- ¹⁰ *Орёл В.Э.* [Рец.:] *Георгиев В.И.* [et al.] Български етимологичен речник. Т. III: *крес – минго.* С., 1986, 800 с. // *Этимология 1986–1987.* М., 1987, 234.
- ¹¹ Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. *С.А. Кузнецов.* СПб., 2004, 565; *Квеселевич Д.И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003, 450; *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2003, 403–404.
- ¹² *Сороколетов Ф.П., Одеков Р.В.* Указ. соч., 381.

А.Ф. Журавлев

Етимолошки речник српског језика / Оснивач академик Павле Ивић. Израдили Марта Белетић, Јасна Влајић-Поповић, Александар Лома и Снежана Петровић. Уредио Александар Лома. Св. 1–2. А–Б. Београд, 2003–2006.

Изучение лексики родного языка в сербской филологической и лингвистической науке характеризовалось до недавнего времени составлением и изданием словарей разных типов, в первую очередь словарей